

Дорогой мой читатель!

В детстве я очень любил читать сказки и фантастические истории, переживая вместе с героями удивительные приключения и мысленно помогая им преодолевать препятствия и совершать подвиги. Перед Вами одна из таких книг, полная захватывающих событий и вызывающая фантастические эмоции!

Мечтайте, фантазируйте! Кто знает, может, повзрослев, Вы придумаете, откроете или совершите что-то очень невероятное и выдающееся и сможете изменить этот мир к лучшему!

Добрых Вам путешествий
и открытий в мире фантазии!

Ваш Василий Галоваров

МАРК
СЕРГЕЕВ

МАШИНА
ВРЕМЕНИ
КОЛЬКИ СПИРИДОНОВА

Художник Раиса Бардина

#эксмогетство
Москва
2017

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редакция выражает благодарность В. В. Головачёву
за помощь в подготовке серии.*

*Василий Головачёв — один из самых известных современных писателей-фантастов в России, лауреат международных фестивалей, обладатель множества премий и наград, в том числе ордена Министерства культуры России «За вклад в культуру», премии «Аэлита», «Ордена рыцарей фантастики» и многих других. По количеству выпущенных книг и общему тиражу, превысившему 20 млн экземпляров, В.В. Головачёв вошел в российскую Книгу рекордов и достижений (Гиннеса) как самый популярный писатель-фантаст.

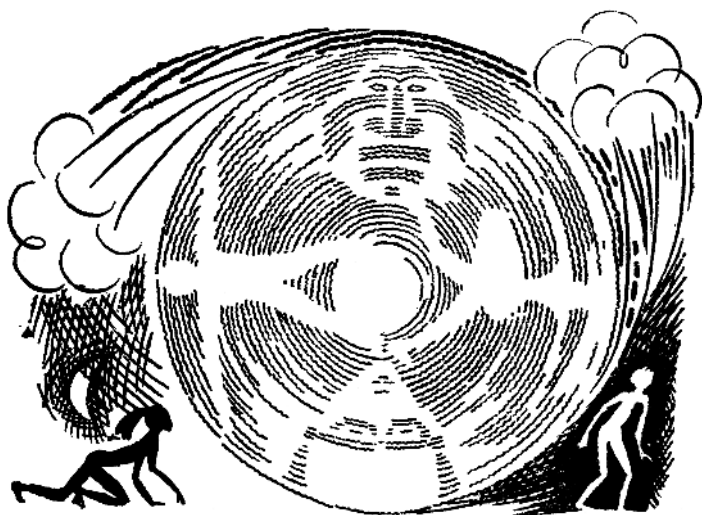
Сергеев, Марк Давидович.

С32   Машина времени Кольки Спиридонова /
Марк Сергеев ; худож. Р. Бардина. —
Москва : Эксмо, 2017. — 160 с. : ил. — (Все-
ленная фантастики).

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Сергеев М.Д., текст, наследники, 2017
- © Раиса Бардина, иллюстрации, 2017
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-94802-4

Пролог,

*в котором папа Спиридонов удивляется,
но понять ничего не может*

Пётр Васильевич Спиридонов проснулся внезапно. Ему чудились какие-то голоса, негромкий скрип — точно кто-то осторожно открывает окно, чудился ещё какой-то звук — тонкий, противный, похожий на вой сирены. Говорят, что комары — существа совершенно безобидные, а всё дело в комарихах — их кровожадности нет предела. Пётр Васильевич стукнул себя по носу — и вой сирены смолк. «Так тебе и надо, кусочка проклятая!» — подумал Пётр Васильевич, нащупал на тумбочке пачку

спичек. Посыпались искры, вспыхнул огонек, неярко осветив комнату — тёмные бревенчатые стены, покрашенный белой масляной краской потолок, кровати детей — Кольки и Милочки. И тут-то папа Спиридонов удивился: постели были пустые.

— Хо-хо! — сказал Пётр Васильевич и поднял спичку повыше. — Это уже становится интересным!

Он сунул ноги в шлёпанцы, подошёл к постелям детей, ещё не веря себе, пощупал одеяла, взглянул на часы — они показывали пять минут четвертого — и забеспокоился не на шутку. Тут увидел он, что окно распахнуто, подбежал и посмотрел растерянно на тайгу, чёрными зубцами уходящую в небо. Роса со звоном скатывалась с листьев, где-то пробовала охрипший заспанный голос птица, лес, казалось, разминал затёкшие за ночь плечи — шорохи, хруст, потрескивание.

Испуганный папа Спиридонов стал будить жену.

— Аня, — сказал он, — Аннушка, да проснись же!

— Что тебе не спится? — рассердилась жена. — Ночь-полночь, а всё тебе покоя нет.

— Понимаешь, Аннушка, они это самое...

— Кто? Что? Ты уж говори пояснее.

— Исчезли они, Аннушка, сбежали, пропали!

— Ой, господи! Да кто пропал-то? Можешь ты мне сказать, в чём дело?

— Дети пропали!

— Послушай, Пётр Васильевич, тебя вчера, случаем, никто чайком покрепче не угостил? Или, может, приболел, а? Дай-ка я лоб пощупаю.

— Ну что ты, Аннушка, право. Дети, говорю, пропали, а ты со всякими пустяками.

— Какие дети?

— Она ещё спрашивает, какие! Да наши же — Коля и Милочка!

Жена всё же пощупала лоб Петра Васильевича, взглянула на него сочувственно, как на тяжелобольного.

— Не мели чепухи, Петя, — сказала она, покачивая головой. — Вон же они спят.

Пётр Васильевич повернулся к постелям детей, и его глаза округлились от удивления. Он даже ущипнул себя на всякий случай: дети и в самом деле мирно спали.

Прошёл час и второй, а папа-Спиридонов всё не мог прийти в себя. Недоумённо пожимая плечами, он поставил на тумбочку будильник, который ненароком уронил на пол.

Отвернувшись к стене, новый сон рассматривала жена. Спал, уткнувшись носом в подушку, Колька, Милочка причмокивала губами.

«Окно! — вдруг подумал Петр Васильевич. — Окно! Оно-то оказалось раскрытым, а я сам с вечера его запираю, чтоб комары не налетели».

Он нашарил в темноте шлепанцы, подбежал к окну. Оно было добросовестно закрыто на все запоры. Пётр Васильевич вздохнул.

— Что? — сквозь сон проворчала мама. — Опять исчезли?

— Да здесь они, здесь... Спи.

Пётр Васильевич, стараясь не шуметь, добрался до кровати, улёгся и подумал: «Пожалуй, завтра надо зайти к врачу».

БОГИ В ПИОНЕРСКИХ ГАЛСТУКАХ

Глава первая,

*в которой Кольке Спиридонову
приходится доказывать
свою храбрость*

Горы. Горы, покрытые лесом.

Сосны и берёзы взбегали по крутым склонам, но, вероятно, не хватало им силёнок добраться до вершины, взлететь на каменистый белый, ослепительно чистый гребень. И они остановились — кто почти у самой вершины, кто пониже, а другие и совсем у берега речки Кынгырги. Берег был заброшен валунами, похожими на чисто вымытых спящих свиней. Кынгырга по-бурятски значит «сигнальный барабан». Она и впрямь гремит и гремит неумолчно. Резкой дробью будит и тайгу, и горы, и дом отдыха «Ёлочки», примостившийся в этой глуши. Его корпуса, точно светлые цветные кубики, затерялись среди величественного сине-зелёно-розового мира.

Всё началось вчера утром. Как всегда, с пронзительным свистом Колька Спиридонов выскочил из засады — дверей домика. Как всегда, запутался в шнурках — незавязанные, они болтались маленькими чёрными змейками, — упал, поднялся, снова засвистел и крикнул:

— За мной!

И тогда с большой алюминиевой кружкой в руке и полотенцем через плечо выбежала из дома Милочка. Рядом со своим долговязым братом-шестиклассником она казалась совсем маленькой, хотя была всего на полтора года младше и уже перешла в четвёртый класс.

По тропинке, что петляла в тайге, перепрыгивая через растопыренные корни деревьев, прячась в мохнатой, обрызганной капельками солнца — так сверкала роса! — траве, бежали Колька и Милочка к реке Кынгырге, бежали, размахивая полотенцами.

И тут из кустов — будь она проклята! — выскочила, как ошалелая, кошка и бросилась под ноги Кольке. Тот в ужасе замер, потом испуганно топнул ногой и закричал:

— Рррысь! Бррысь!!!

Милочка засмеялась.

— Мурка, Мурочка, мур-мур-мур... — позвала она. И кошка подошла и стала тереться о её ноги.

Да, такого конфуза Колька не ожидал. К реке ему уже не хотелось бежать, но что поделаешь — с грязными руками за стол не сядешь, мама так высмеет, что и рад не будешь. И чего это все мамы только и делают, что заставляют мыть — то уши, то руки, то шею намыливай, беда. Он зачерпнул ладошкой воды, размазал её по щекам и носу и мрачно стал чистить зубы. Зато Милочка была довольна — уж теперь-то она отыграется за всё!

— А всё-таки ты трус, — сказала она, — самый настоящий.

— И вовсе не трус. Просто от неожиданности.

— У тебя всё от неожиданности... Трус, и только. Вот ребята-то будут смеяться: Колька рыси испугался и от кошки убежал!

И тут Милочка поняла, что у неё получилась хорошая дразнилка:

Колька рыси испугался,
побелел и задрожал,
Колька рыси испугался
и от кошки убежал!

— Ты ещё дразниться! — закричал Колька, зачерпнул в ладошки воду и вылил её Милочке за ворот. На удивление сестра не заорала, а только вздохнула:

— Эх... А ещё старший брат...

Кольке стало стыдно.

— Ну, ладно, — пробормотал он, — не сердись. Я же просто так. Просто так я... — И вдруг разозлился снова: — А чего ты дразнишься?!

И тут Милочке пришла в голову одна забавная мысль.

— Знаешь что? — предложила она.

— Ну...

— Я-то тебе верю, что ты смелый человек, но ребята, понимаешь...

— А что ребята? Ребята-то что?

— А ребята ведь не отстанут...

— Да они же и не узнают ничего.

— Узнают. Ещё как узнают!

— Попробуй только Расскажи!

— А ты не грози... Тоже мне храбрец посреди овец. Вот что я придумала. Я повешу на старой лиственнице свою косынку. Если ты ночью, в три часа ноль-ноль, принесёшь её, — я поверю, что ты не трус и никому-никому не скажу про Мурку. Ладно?

— Ладно, — снисходительно бросил Колька, хотя, сказать по совести, на душе сразу стало как-то муторно, как при взлёте или посадке самолёта.

Старая лиственница. Ей пятьсот лет! Старому городу Прибайкальску только триста лет.

А в те дни, когда появился в нём первый дом, не дом даже, а малюсенькое зимовье, листовнице было уже два века. Стоит эта древность глубоко в тайге, почти в километре от дома отдыха «Ёлочки». И днём-то к ней пройти нелегко — по тропинке всё в гору, а ночью... Но ничего не поделаешь: назвался груздем — полезай в кузов.

Колька снова наступил на собственный шнурок и растянулся под кустом черёмухи. Сверху полился на него дождь прозрачных крепких капель.

— Это тебе за меня! — засмеялась Милочка. — Будешь знать, как обливаться!

Глава вторая,

*в которой рассказывается,
чем заканчиваются
ночные прогулки в лесу*

В двенадцать часов вечера в доме отдыха выключали свет. Помигав немного, чтобы те, кто не успел юркнуть под одеяло, улеглись, гасли фонари перед корпусами, затем в одно мгновение погружались во тьму, сливались с лесом и горами деревянные коттеджи, и наступала тишина.

Перед тем как лампа мигнула в последний раз, Милочка негромко, чтоб не слышали родители, окликнула Кольку, показала ему три пальца, отвернулась к стене, натянула повыше одеяло и притворилась спящей. На самом деле она лежала и подглядывала: пойдёт Колька в лес или нет?

Наконец она услышала скрип — Колька осторожно раскрывал створку окна. Милочка взглянула — не проснулись ли родители — и отбросила одеяло: оказывается, она так и легла в платье. Тихонько, почти бесшумно, Колька влез на подоконник, мягко спрыгнул вниз. Он так был сосредоточен, что не заметил, как створка растворилась вновь и на землю спрыгнула его сестрица.

Тропинка, по которой он сейчас шёл, была такая же, как и та, по которой перебежала ему дорогу противная кошка. Да, тропинка была такой же, но как неузнаваемо всё вокруг! Узловатые сучья деревьев похожи на скрюченные руки. Вот-вот они схватят за плечи. Корни ставят тебе подножки, и ты плюхнешься носом в мокрую траву. Хорошо ещё, если в траву! А шорохи? Они идут следом, не отставая. А всхлипывания ветра?

Да, надо сказать, что не каждый согласился бы отправиться в ночной лес. Вот вы, напри-

мер, отправились бы? Наверное, нет. А Колька пошёл. Что ему лес! Что ему ночь!

Всё бы хорошо, если бы не эти зловердные шнурки. Есть же на земле люди, мастерски умеющие их завязывать. У Кольки никогда не хватало времени осилить эту премудрость. Он наступил на шнурок, но в темноте показалось ему, будто кто-то схватил правую ногу и не отпускает.

— Ой, мама! — вскрикнул Колька, рванул ногу изо всех сил и упал, крепко ударившись о корень. В глазах поплыли цветные круги, а над головой раздался вдруг негромкий, но очень странный — тревожный и ехидный свист. Он то смолкал, то звучал вновь и вновь, становился громче. Колька замер, вобрав голову в плечи. И когда свист пронёсся ещё раз, уже совсем близко, наш храбрец вскочил на ноги и бросился наутёк. Он бежал напрямик, без тропы, через чащу, ветки хлестали его по спине. А лес наполнялся всё новыми и новыми голосами, шумел, ухал, хохотал.

Милочка едва поспевала за братом. Ей тоже вдруг стало страшно, она всхлипывала и кричала:

— Стой! Стой! Коля! Колечка, миленький, остановись!